

И. Вишневская

Великое инакомыслие

Право же, если бы не случилось 160-летия со дня рождения русского писателя Николая Семеновича Лескова, о нем все равно стоило бы говорить...

Первое, что поражает в этой судьбе, — какая-то фанатическая несвобода писателей на русской земле. И если бы только мешала официальная цензура, если бы только мучили официальные инстанции, если бы только ломала душу и руки капризная воля владык. Но нет же, сами художники разных российских времен как-то исподволь привыкали к взаимной «идеологической» опеке, к шумному навязыванию собственных позиций каждому, кто стучится в дверь литературы.

Стоило начинающему писателю выйти с романом «Некуда», сразу же нареченным «антиинигилистическим», как тут же вскипело, заклубило, неумолимо обрушилось на автора возмущение передовой общественности. Осуждали, бранили всевозможные журналы и газеты, речь впрямую шла о «доносительстве», хотя перед публикой было произведение, где литератор высказал свои соображения о типе людей, вечно собирающихся что-то делать, постоянно раздраженных, предельно болтливых, ни с какого бока не нужных истинно народной жизни. «Доносительство» — прозвучало страшное слово из лагеря коллег по профессии, будто и вправду может на кого-то «доносить» великий художник, раскрывающий средствами искусства жизнь и сформированные ею характеры. А раз уж не понравилась собратьям по перу какая-нибудь тенденция в искусстве — значит растоптать, уничтожить осмелившегося, поставить его вне общества, лишит возможности спокойно работать. Найдется ли теперь в России, хоть один журнал, — высокомерно писал Писарев (после выхода романа «Некуда»), который осмелился бы напечатать на своих страницах что-нибудь выходящее из-под пера господина Стебницкого (псевдоним Лескова) и подписанное его фамилией?

Никто не осмелится — это уже приказ, идеологический диктат, приговор писателю, которому и действительно теперь уже было — Некуда. Общее поветрие — осуждать художника за тенденции, совершенно не вникая в художественную ткань произведения, — какое-то особое чисто русское поветрие, не оно ли так больно коснулось и Гоголя, и Достоевского, и Толстого — Письмом Белинского, закланиями Горького, статьями Ленина.

Волна неприятия Лескова как писателя, посмеявшегося неуважительно говорить о «новых людях», докатилась и до наших дней, и опять-таки сами художники, прошедшие железную выучку у своих идеологических учителей, запрещали друг другу быть свободными от любых тенденций и направлений, подозрительно искали инакомыслие, железно карали его, сами впоследствии попадая в те же страшные силки и капканы.

И что же? Исковерканная жизнь Лескова, тяжело и мучительно сработанный в атмосфере травли характер, задержанное на время золотое его перо, постоянная глухая боль, недоверие к родному писательскому клану, грядущее сомнение в собственной одаренности. И что же? Изъятие из учебников, из самой русской литературы уже и в советское время многих и многих лесковских шедевров — то за излишнюю религиозную экзальтированность, то за излишнее внимание к русским «чужакам» и «праведникам».

Так и жила Россия без «полного» Лескова, а значит, и без «полной» народной нравственности, без полного постижения народного характера, в котором и глубинная вера,

и горькое безверие, и беспокойное странничество, в «соборность», и страх оказаться «на ножах» со своими, раздерганными рваными социальными силами в разные социальные стороны.

И не случайно, быть может, именно в соединения с лесковской «Леди Макбет Мценского уезда» наступила катастрофа гениального Шостаковича. Ждановский идеологический официоз распял его за «негармоническую», нетрадиционную музыку оперы «Катерина Измайлова». Но почти не обращалось внимания на то обстоятельство, что в литературной основе либретто был именно Лесков, его творчество. И хотя в печально знаменитом постановлении ЦК ВКП(б) по музыке, коснувшемся Шостаковича, вовсе и нет бранных слов по поводу Лескова, они, несомненно, подразумеваются, они — в воздухе. Лесков всегда раздражал любое государство именно потому, что был воистину народен. Само прикосновение к его творчеству уже было чревато виной, бедой, трагедией.

Как важно вспомнить обо всем этом именно сегодня, когда, постоянно клянясь миром, мы живем войной. Ведь выстрелы и танки — это только внешнее выражение внутренней войны против всех.

И самое печальное — когда воюет против себя же и интеллигенция, когда, прежде чем сесть за писательский стол, тысячу раз подумаешь о том, кто будет доволен и кто раздражен, обо всех подумаешь, кроме читателей. Нам не до них, они посторонние, они «не в игре», в «игре» свои Чернышевские, свои Писаревы — главное, как они, «перестроенные», эти идеологи обойдутся с новой литературой, которая уже при рождении своем намертво приписана к той или иной тенденции.

И не разумнейший ли здесь урок — творчество Лескова, так и не пойманное ни в какие тенеты групповщины, так и не примкнувшее ни к какой «капитальной», «единственно правильной» идее, так и не политизированное, так и не оглушенное тенденцией и потому оставшееся с народом.

Создавая целую галерею своих знаменитых «праведников» во главе с «голиафовским» Савелием Туберозовым, Лесков и сам был «праведником» — потому что умел предсказывать, угадывать, пророчить. Так же, как и «Бесы» Достоевского, «Дым» и «Отцы и дети» Тургенева, ранние романы Лескова «Некуда» и «На ножах» — все это пророчества, все это предостережения любимой своей земле — не обagrиться братской кровью, не пойти за холодным нигилизмом, не разорвать связь времен.

И это вовсе не значило, что Лесков не болел болью своего времени, один лишь его «Тупейный художник», вставший вровень с «Записками охотника» Тургенева, мог бы сделать больше для освобождения крестьян, чем многие и многие либерально-красивые, сердито-разночинные речи.

Русский писатель Островский, русский писатель Гончаров, русский писатель Лесков. Да, конечно, все это истинно отечественные литераторы. Но не привязываем ли мы подчас многие национальные таланты именно и только к своей географии — кого к Замоскворечью, кого к Орловщине, кого к Мценску? Сотни раз писано и переписано, что Лесков никогда не отрывался от родной почвы, непременно объясняя, кто и какого уезда, кто и кому послужил прототипом. И постепенно оказываются они «колумбами» только на русских землях, их имена не звучат рядом с Бальзаком или Стендалем, Шекспиром или Диккенсом.

«Леди Макбет Мценского уезда» Лескова убивает не ради своего возвышения, но ради любви, ради живого, естественного, негреховного человеческого чувства. Да, негреховное чувство добыто грехом — это преступление, будет и наказание. Но в изначалии греха — не темное властолюбие, а светлая жажда счастья. И наказание у Лескова, как и у Достоевского, — глубоко русское — страшна не реальная каторга, а страшнее ее каторга духовная.

И жемчужина из жемчужин — лесковский сказ о Левше, подковавшем блоху, — явление глубоко национальное и в то же время иронически разбивающее национальную ограниченность.

Особенно хорошо это чувствуется сейчас, потому что уж совсем мало осталось у нас каких-либо умельцев, которые в силах что-либо подковать. «Подковывают» теперь они самих себя, чтобы поскорее убраться за рубеж, а оттуда взамен вызывают к нам уже других — иностранных умельцев — перестраивать, отстраивать и достраивать наши все еще разваливающиеся руины.

Общее место — необычайный, цветистый, грузный от мудрости и боли — язык Лескова. И все же здесь тоже есть свои уроки для нас, страстно и гибко ловящих любой новый сленг, любую «языковую» моду, любую обывательскую наволочь, а главное — субъективную безграмотность верхов, мгновенно переходящую в объективное «речевое» состояние общества.

Лесков не гарцевал русско-нерусской речью, но все глубже и глубже врубался в самые народные ее пласты, там, где нет уже места «займам» и чужеродным спонсорам. Его речь, тяжелая и хитросплетенная, обманная и прямая, завораживающая и заставляющая думать, — еще один пример истинной народности, и он мог бы, как Тургенев, найти единственное утешение в години лихих бед и лихих людей — в великом русском языке.

Для чтения Лескова надо приготовить свою душу, а не только определить групповую свою принадлежность. И то обстоятельство, что Лескова читают сейчас гораздо больше, что к нему вновь и вновь обращаются театры, кинематограф, телевидение, говорит о том, что все-таки поднимается, растет уровень общественной нравственности, личного укрепления, что рекомендательный список обязательного чтения, рекомендательный с самых разных сторон — от ведомственных инстанций до свободных сообществ, — исчезает. Писатели сами находят себе читателей, читатели сами выбирают себе писателей.

«Очарованному страннику» Лескову вроде было «некуда» идти со своими произведениями — однако пришел он в бессмертие.